

ЮЛІЯ МИЛАНЕС

ПРО ХУДОЖИЦЮ

І ЧУЖО

12+

Юлия Миланес
Про Худошу и Чучо

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Миланес Ю.

Про Худошу и Чучо / Ю. Миланес — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Начинающей писательнице Юлии Хименес приходит странное письмо. В него вложена рукопись, повествующая о жизни городских и лесных троллей. Автор переводит рукопись с португальского и узнает историю этих удивительных существ. ...Тридцатилетняя троллиха Чучо несчастливо жила в квартире Человека до тех пор, пока случай не свел ее с диким лесным троллем Худошей, зарабатывающим на жизнь бормотуховарением. Чучо отправляется к нему в Зеленецкий лес и остается там на временное проживание. Начинается новая жизнь, в которой тролли попадают в смешные и нелепые ситуации...

© Миланес Ю., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

От автора	5
Где-то на севере...	8
Чучо едет в Зеленецкий лес	11
Здравствуйте, я ваша Чучо!	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юлия Миланес

Про Худошу и Чучо

От автора

Даже не знаю, с чего начать свой рассказ.

Все началось восемь лет назад из-за моих знаменитых яблочных пирогов. А может, это началось еще раньше, когда я стала находить везде черную шелковистую шерсть? Да, пожалуй, все началось с шерсти, еще лет двенадцать назад.

Дело в том, что мне с детства хотелось собаку, причем именно немецкую овчарку, но родители не покупали мне щенка, мотивируя отказ тем, что от собаки много шерсти при линьке. А когда я выросла, то так и не завела никаких животных, как раз из-за трудоемкой уборки. Не могу сказать, что в том году в нашей квартире было так уж много ковров, которые трудно чистить. Точнее выразиться, их у меня вообще не было. Но, начиная с этого времени, стали происходить немного странные вещи: осенью, где-то в октябре месяце, я стала находить черные шелковистые волоски по всей квартире в больших количествах. Вернее, их даже не надо было находить. Во время каждой уборки их набирался целый совок, в сливе ванны обязательно обнаруживался спутанный шерстяной комок, и трубы ванной периодически засорялись, а когда я вызывала нашего управдома дядю Петю, который у нас был и сантехником, и слесарем, и вообще на все руки мастером, тот витиевато выражался на тему: «Сколько же ты завела котов?». Поскольку никаких котов и в помине не было, с годами я начала подозревать, что линяю сама. «Линяла я сама» особенно сильно не только в ванной, но и на кухне: в районе холодильника, в самом холодильнике, около газовой плиты и, собственно, во всех кастрюлях, и даже под кухонным фикусом, который имелся в каждой питерской квартире образца того года. Так и продолжается до сих пор.

А восемь лет назад началась та история с яблочными пирогами. Да-да, точно, примерно в это время я их и научилась печь. Пироги мои внезапно начали пользоваться невероятной популярностью. Стоило только вытащить из духовки воздушный, душистый, слегка присыпанный корицей пирог, как тут же он таинственно исчезал. Мне едва удавалось съесть один кусочек, как на противне не оставалось ни крошки. Признаюсь, я грешила на сына, но очень радовалась тому, что у ребенка прекрасный аппетит, и стала печь сразу по два-три яблочных пирога. Все равно мои кулинарные шедевры исчезали с невероятной скоростью и в полном объеме.

Некоторые признаки, однако, указывали на то, что выпечку истребляет кто-то другой. Однажды ночью я нечаянно вышла на кухню и обнаружила, что дверца холодильника приоткрыта, и из-под нее, как мне увиделось, торчат четыре розовых лысых хвоста с черными шелковистыми кисточками на кончиках. Стоило мне моргнуть от неожиданности, как дверца холодильника уже была закрыта, и хвосты оказались плодом моего воображения, зато на краях пирогов со всех сторон красовались следы маленьких детских зубов.

Удивительно, как мало мы замечаем у себя под носом, и как много умудряются увидеть наши дети. Как-то раз сын пришел в мою комнату, забрался в кресло и обиженно сказал:

– Мама, тролли опять съели все яблочные пироги!

Я улыбнулась (довольно глупо с моей стороны) и подумала, что и до этого много слышала о подобного рода снах и фантазиях.

– Сынок, а какие они, тролли – поедатели яблочных пирогов?

– Мам, ну что ты, в самом деле, как маленькая? Ты что, тролля ни разу не видела? – насупившись, совершенно серьезно поинтересовался ребенок. – Ну, обычные же тролли – маленькие, мохнатые, с длинным хвостом.

–А где живут наши тролли? Они что, невидимые?

Сын смотрел на меня во все глаза, осознавая, что я не понимаю очевидных вещей:

–Так под фикусом на кухне и живет наш тролль, а в гости к нему приходят другие тролли. Ничего они не невидимые, они просто прячутся... и едят наши яблочные пироги... постоянно!

– А чем они еще занимаются, кроме поедания пирогов? – меня несколько удивил этот детский полет фантазии у ребенка подросткового возраста, поэтому, напрасно умилившись, я потрепала его по лохматой голове.

– Как что? – складывалось впечатление, что мой ребенок невысокого мнения об умственных способностях взрослых. – Вредят и шерсть разбрасывают!

Разговор принимал странный оборот. Я немного расстроилась из-за того, что дети иногда выдумывают такие вещи, и закрыла тему.

С тех пор мой сын вырос, уехал жить в другую квартиру и забыл о своих детских рассказах. Но тролли не забыли о поедании яблочных пирогов. Да-да, оказалось, что тролли на самом деле существуют, и все доказательства были у меня в руках.

Не далее как в прошлом месяце, я получила странное, большое и пухлое письмо. Адрес на конверте стоял определенно мой, но послано оно было на имя некой... Перес. Почта и раньше приносила на мой адрес письма, которые предназначались не совсем мне, вернее, без указания имени получателя. Такие письма я, не распечатывая, оставляла в подъезде на почтовом ящике, откуда эти конвертики в скором времени куда-то исчезали. Но в этот раз конверт был таким объемным, что женское любопытство выиграло, и я распечатала письмо. Оправданием также послужила догадка, что конверт все-таки адресован мне, ведь я ношу испанскую фамилию Хименес, и, вполне возможно, фамилии Перес и Хименес в шутку или не намеренно перепутали. Но дело обстояло не так. В конверте лежала рукопись, написанная аккуратным бисерным почерком на литературном португальском языке, причем, очевидно, пером и чернилами. Отдельно к рукописи было приложено письмо следующего содержания:

«Здравствуй, дорогая мама Перес! Теперь я могу с полной уверенностью сказать, что в Зеленецком лесу живетя очень хорошо, в основном, потому, что здесь нет Человека. Сейчас наступает лето, Худоша сегодня утром ходил проверять плантации тины и говорит, что в этом году будет отменный урожай. Погода стоит теплая, наверное, вылупится много бздюлей, и вообще жизнь лесная идет размеренно и приятно. К сожалению, сейчас я не могу выполнять свой долг, как ты учила нас с детства, то есть вредить Человеку. С некоторой опаской, что ты меня не поймешь, вынуждена признаться, что здесь, в Зеленецком лесу, я позволяю себе немного работать. Не переживай, совсем мало. Кушаю я очень хорошо, но скучаю по яблочным пирогам. Предлагаю тебе рецепт маринованных перепелиных яиц, чтобы ты подкинула его Человеку:

Берем перепелиных яиц, сколько есть, отвариваем и чистим. Одну столовую ложку тинной бормотухи разбавляем в литре родниковой воды, добавляем листья носиковых деревьев, старую паутину в большом количестве, полбашимака соли – рассол готов. Наливаем в литровую банку, складываем туда отваренные перепелиные яйца и ставим в холодное место. Через неделю можно есть.

Как ты и велела, я упражняюсь в португальском языке, поэтому высылаю тебе свои записки о Зеленецком лесе.

Будь здорова, мама Перес! Передавай привет Зезе и Христе. И смотри, больше не передай яблочных пирогов, как в прошлый раз!

С любовью, твоя дочь Чучо, названная в честь композитора Чучо Вальдеса»

Едва прочитав это письмо, я поняла, что нахожусь перед границей другого мира, переступив которую, я уже не смогу быть прежней. Перед тайной, которую знают несмышленные

дети и глубокие старики, увенчанные мудростью и сединами. Тайной урочая из тины, бздюлей и маринованных в родниковой воде перепелиных яиц... С жадностью я стала читать рукопись, несмотря на то, что плохо знала португальский. Пока я занималась чтением, произошло множество мелких и крупных неприятностей. Распахнулось окно, и грозовой майский шторм ворвался в квартиру, пытаясь вырвать рукопись из моих рук. Замигал и неожиданно погас свет – выручило только то, что в мае уже белые ночи. Подозрительно громко захлопала дверца холодильника, зазывая меня на кухню. Но я не отступила, пока не прочитала все. Далеко за полночь, едва последняя страница рукописи была перевернута, я положила бумаги на стол, из-под которого незамедлительно высунулась седая мохнатая лапа и начала шарить по поверхности. Да-да, в этот раз я поверила своим глазам и тому, что они видели. Сколько же было сделано для того, чтобы о существовании троллей мир Человеков ничего не узнал!

Рукопись была надежно закрыта в маленьком сейфе, но от волнения мне не спалось. Желание увидеть живого тролля (вернее, как оказалось, троллиху) было настолько сильным, что я достала из холодильника яблочный пирог, положила его на красивую тарелочку и, отойдя подальше, спокойным голосом сказала в сторону фикуса: «Утощайся!». Никакой реакции не последовало. Я заволновалась еще больше, переложил пирог обратно в холодильник, отошла подальше и громко крикнула: «Утощайся!». Ответом мне была тишина. Пирог стоял нетронутый.

Наконец, я все-таки поняла, в чем дело. Неохотно достала рукопись и письмо из сейфа, с сожалением подержала в руках, затем положила на стол и отошла. В ту же секунду единственное доказательство существования троллей исчезло – как и пирог из холодильника...

Где-то на севере...

Петли тяжелой металлической двери застонали, едва выдерживая ее вес, пока тяжелое полотно не ударилось о косяк, и не раздался щелчок автоматического замка. Затем Человек тщательно (а в обычной жизни он всегда все делал с необыкновенной основательностью) закрыл все замки, удовлетворенно кивнул своим мыслям, как будто проделал хорошую работу, и вышел из подъезда большого пятиэтажного дома в историческом центре столицы. На улице шел дождь, еще не сильный, но обещавший к обеду превратиться в настоящий ливень. Человек потоптался под узорным козырьком подъезда, раскрыл дорогой кожаный портфель, извлек оттуда утреннюю газету, прикрыл ей голову и, широко ступая через лужи, пошел к своему автомобилю.

Он долго не мог выехать из арки на улицу, где разноцветной змеей струился сплошной поток машин, и никто не хотел пропускать автомобиль Человека перед собой. Но Человек никуда не торопился и относился к факту отсутствия водительской солидарности спокойно. Он уже привык утренние и вечерние часы проводить в пробках.

Наконец, автомобиль смог протиснуться своим широким капотом в левый ряд и стал частью этого беспомощного рева моторов, многоголосицы клаксонов и духоты сиреневых выхлопов.

Человек был владельцем не очень крупной фирмы и, сидя за рулем, думал о важных вещах: новом объекте из стекла и бетона, строительство которого он задумал совместно с партнерами. Немного давала о себе знать бессонная ночь и выпитый вечером виски, но Человек привык не обращать внимания на такие мелочи.

Внезапно его мысли переключились на события прошлой ночи.

Девушка, с которой Человек познакомился в Интернете, была еще молода, и своими тонкими руками, держащими стакан виски со льдом, и светлыми, слегка вьющимися короткими волосами на косой пробор напомнила ему покойную жену. Под утро Человеку приснился сон, пришедший из далеких счастливых лет, где были смеющиеся и плачущие родные глаза, искра настоящей жизни и бедность, которая называлась счастье. В этом сне самая дорогая в его жизни женщина говорила, укоризненно качая головой с пушистыми волосами цвета спелой пшеницы: «Твой тролль очень недоволен. Ты даже корочки хлеба дома не оставляешь», но потом провела невесомой прозрачной рукой по его макушке и ласково улыбнулась. Человек подумал во сне: «Какой еще тролль?», но все равно отчего-то почувствовал себя виноватым.

Человек всегда знакомился в Интернете с девушками, внешне похожими на ту, которой не стало. Бывало, он понимал, видя живых женщин, что фотографии профилей его немного обманывали. А бывало, что обманывали и много. В них не было жизни, которую хотел найти Человек. Каждая приходила со своими надеждами, большинство внимательно осматривало хорошую квартиру, многие, выпив спиртного, становились шумными и вульгарными, но не такими, каких он искал.

Человек понимал, что виски по вечерам стало уже слишком много, немолодой организм не выдерживал марафона незнакомых женщин, но остановиться не было сил. Наутро Человек вставал и ехал на работу – строить дома из стекла и бетона, потому что о таких говорят: «старая закалка».

Петли тяжелой металлической двери застонали, едва выдерживая ее вес, пока тяжелое полотно не ударилось о косяк, и не раздался щелчок автоматического замка...

Этот ранний стук, как обычно, разбудил Чучо. Троллиха послунывила мохнатую ладошку и протерла глаза, затем высунула пятак из своего угла. Дома никого не было. За окном капал дождь, который обещал к обеду превратиться в настоящий ливень.

Чучо была троллихой из очень-очень древнего и окультуренного рода, который уходил своими корнями к самому Илиасу Гвадалахарскому (ну, вы его знаете), могучему созданию, который тридцать три года лежал на печи и встал только для того, чтобы попить воды.

В этой квартире Чучо жила давным-давно, практически с детства, с тех самых пор, как ее мать, старая троллиха Перес, подкинула ее в проживавшую здесь семью Человеков, едва Чучо научилась прятать свой хвост при ходьбе (как и принято у столичных троллей).

С детства Чучо была любопытной многознайкой. Она перечитала все книги, стоявшие на полках у бывших жильцов, изучила высшую математику, квантовую физику, литературные труды невероятного количества писателей-Человеков и даже кулинарию (в теории), хотя вела иждивенческий образ жизни, как и все тролли, и воровала еду из холодильника. Надо сказать, что семья, при которой обитала Чучо, была очень интеллигентной, у них всегда водилась хорошая еда, каждую неделю покупалась новая книга, а, собственно, ничего другого троллихе и не нужно было, поэтому вредила она, в основном, мало, только по необходимости и из чувства долга.

Но той неприятной осенью 2005 года Человеки продали свою старинную квартиру какому-то удивительно неуютному богатому субъекту, и тут же мирная жизнь Чучо пошла под откос. На тот момент ей исполнилось тридцать с лишком (с маленьким лишком) лет, что, в принципе, немало для короткой жизни троллей.

Новый Человек в первую очередь затеял ремонт квартиры, и все то, что много лет было привычно-потертым, вдруг стало позолоченным или дубовым. Особенно расстраивалась троллиха из-за смены входной двери. Раньше вход в квартиру осуществлялся через старинную полированную двустворчатую дверь, замок которой можно было открыть одним движением кисточки хвоста и проскользнуть незаметно на улицу, чтобы помечтать под луной, вдохнуть немного автомобильных выхлопов или сходить к родственникам-троллям в гости на яблочный пирог. После ремонта квартира превратилась в настоящий бункер, проникнуть в который можно было, только отворив порядка шести различных замков на металлическом полотне. Из старых привычных вещей остался большой зеленый фикус с кривым стволом и листьями, растущими на одну сторону (раньше в этой стороне было окно), не влезший в грузовик с вещами бывших своих хозяев при переезде. Чучо любила этот фикус и про себя называла его Васей. Поливка, обрезка и рыхление земли в его горшке были единственными полезными вещами, которые троллиха позволяла себе делать вопреки долгу. Человек, по странной прихоти, оставил Васю стоять в дальнем углу сверкающей белоснежной кухни. Это место было незамедлительно облюбовано нашей героиней для отдыха.

Книги из дома исчезли навсегда, их заменили газеты, читать которые Чучо не могла, согласно своему мировоззрению. Троллиха так скучала по неповторимому запаху библиотечной пыли и шелесту желтых страниц, что, казалось, дай ей сейчас в лапы «Капитал» Карла Маркса, она незамедлительно кинулась бы читать. Немного компенсировал отсутствие книг беспроводной Интернет, где можно было порыться, когда Человек зазеваается, но Чучо никак не могла украсть большой тяжелый ноутбук и утащить его хотя бы под фикус или под ванну.

В доме часто появлялись незнакомые женщины. Чучо тоскливо сидела в ванной комнате, слушая звон стаканов и разговоры Человеков. Незнакомки оставались ночевать, и под утро Человек вызывал им такси, говорил на прощание: «До встречи», но Чучо знала, что встреча эта никогда не состоится, потому что пройдет день-два, быть может, неделя, придет другая женщина, и все повторится сначала и закончится также.

Питался Человек в ресторанах. Холодильник стал предлагать исключительно бутылки дорогого шотландского виски, но Чучо не злоупотребляла никогда в своей жизни, и на тот момент начинать не собиралась.

Условия жизни мирной троллихи становились все сложнее, и у нее стал портиться нрав, потому что с тоски появилось острое желание вредить, которое вылилось, в первую очередь, в воровство чистого постельного белья из шкафа. Украв лишнюю наволочку, Чучо чувствовала себя менее нервно в новой неблагоприятной обстановке. Некоторую радость ей доставляли персидские ковры, потому что заглушали стук копытцев, когда она ходила по комнате, уныло волоча свой хвост, который длиной был более метра.

Иногда Чучо так все надоедало, что она потихоньку выбиралась по ночам на улицу через окно, спускалась с риском для жизни по водосточной трубе и трусилась к своей матери Перес, плакаться в жилетку.

Перес считала Чучо своим самым неудачным, ни к чему не приспособленным ребенком. Другие двое детей – брат и сестра Чучо – всегда вредили исключительно удачно, хоть и были младше Чучо на целый десяток лет. Перес вздыхала: «Ничего не поделаешь, ты такая с самого детства. Ну, хоть работать тебя отправляй! (про фикус Васю пожилая троллиха ничего не знала). Может, Зезе тебя научит?»

От этих слов в родительском доме тоже становилось неуютно и по-настоящему грустно. Повесив уши, Чучо посматривала в сторону своего младшего брата Зезе. Тот прославился, в первую очередь, своими путешествиями по миру. Едва покрывшись шерстью, молодой тролль поселился в центральном офисе туристической фирмы, откуда он и осуществлял свои международные вылазки в чемоданах клиентов. В последнее время Зезе увлекся вождением самолетов и въехал в квартиру профессионального пилота, путаясь под ногами которого проникал в кабину управления при каждом полете. Чучо всегда робко говорила: «Слава Богу, Зезе, что ты не вредишь в кабине!», а младший братишка при этом лукаво улыбался: «Жаль, что другой тролль сидел в кабине, когда Юрий Гагарин сказал: «Поехали!». Я уверен, он там был и корчил рожицы на взлете!»

Сестра Чучо, Христа, поселилась в редакции светского журнала и тоже была уважаемой троллихой, в первую очередь потому, что знала все последние сплетни о кинозвездах и богемной жизни. Любимой актрисой Христы была знаменитая латиноамериканка Пончита Эссуарес, поражающая своими идеальными формами и эксклюзивными нарядами светской львицы. Чучо слушала рассказы Христы и тоже через пятое-десятое узнавала знаменитостей на фотографиях. А уж о Пончите знала практически все.

Может, Зезе и Христа и были успешными троллями, но яблочные пироги, которые добывала Перес, они уплетали с не меньшим аппетитом, чем Чучо, а та старалась за один приход в гости к матери наесться минимум на месяц. Затем она возвращалась в «свою» квартиру, думая, что лучше все-таки быть голодной, но более-менее самостоятельной, чем ежедневно находиться в тени одаренных родственников. И, если честно, Чучо даже в своем недетском возрасте еще верила в чудеса, прекрасно понимая, что мы их делаем сами. «Просто», – считала троллиха, – «должен подвернуться случай, который перевернет всю мою жизнь». А жизни, в общем-то, оставалось все меньше и меньше...

И этот случай однажды произошел.

Чучо едет в Зеленецкий лес

Утром того дня Чучо проснулась необыкновенно поздно, даже не осознав, что металлическая дверь с утра не скрипела и не лязгала. Она вылезла из-под фикуса, пригладила черную мягкую шерстку на голове, проверила, хорошо ли работают уши-локаторы, доставшиеся ей по материнской линии от самого Илиаса (ну, вы его знаете), сделала упражнения для хвоста, затянула поясok на вечно голодном животике, вздохнула и привычно пошла вредить.

Раньше она первым делом заходила в ванную комнату, чтобы насыпать мелкой соли в крем после бритья. Это был один из самых надежных трюков троллихи, после того, как у нее стал портиться нрав. Он срабатывал безотказно. Человек перепробовал кремы после бритья абсолютно всех фирм, и ни один не подошел к его «сверхчувствительной коже». Но так как Человек был старой закалки, то решил этот вопрос, отпустив бороду. Ничего более вредного Чучо придумать не могла, поэтому стала каждое утро разливать стакан виски на деловые бумаги, лежащие в кабинете на письменном столе.

Вот и сегодня Чучо направилась было в кабинет, как вдруг обнаружила, что Человек, судя по всему, не ложился спать с вечера и сейчас находился дома, ибо в кабинете клубился сигаретный дым. Бутылка с крепким спиртным радовала глаз своей пустотой – невозможно было даже натрасти туда шерсть из вредности.

Человек смотрел в экран ноутбука и улыбался. Чучо внезапно обнаружила, что когда у него на лице улыбка, то в уголках рта собираются добродушные складочки.

Тут троллиха посмотрела на монитор и ахнула. Там красовалась сама Пончита Эссуарес. Выглядела Пончита на фотографии на редкость скромно, что не умаляло природной красоты ее смуглой бархатной кожи, белоснежной улыбки и выразительного взгляда. Если бы, каждый раз приходя к Перес, Чучо не рассматривала Пончиту во всех журналах Христы, то могла бы и не узнать ее в простом свитере и джинсах. «Хотя кто сказал, что они простые?» – размышляла троллиха. – «Разве у звезд бывает что-нибудь простое?»

Между тем, Человек определенно переписывался на сайте знакомств с хозяйкой фотографии. «Какая отличная вредность – поставить в своем профиле неизвестную фотографию Пончиты и морочить всем головы. Перес бы одобрила!», – уныло подумала Чучо. – «Даже Христа до такого не додумалась, куда уж мне...»

Человек внезапно вскочил, крайне неожиданно решил заняться спортом и помчался прямо-таки вприпрыжку (если вообще это возможно после выпитой бутылки виски) на покрытую густым слоем пыли беговую дорожку, стоящую в углу специально оборудованной комнаты. «Серьезно прижало!» – подумала Чучо, и уголки ее губ задрожали.

Через несколько дней троллиха сообразила, что Человеку вредят самозабвенно, вдохновенно и виртуозно, с творческими порывами, и начала записывать в маленькой тетрадке свои наблюдения за ситуацией, дабы набраться опыта и применять его впредь, всегда и везде.

Пятничная запись гласила: «Сегодня «Пончита» пригласила его на свидание в пятизвездочном отеле. Человек сбрил бороду, не заметив соли в креме после бритья, достал выходной костюм, заказал букет из роз и отбыл, прихватив цветы, в неизвестном направлении»

Вторничная запись: «В субботу утром Человек пришел с красными от недосыпа глазами, выбросил букет в мусорное ведро и, не раздеваясь, повалился на кровать, перепачкав все грязными ботинками. Два дня не подходил к ноутбуку, на работу не ездил. Сегодня опять переписывается с «Пончитой».

Четверговая запись: «Бегаёт на беговой дорожке, каждые полчаса измеряет давление. И так целый день».

Именно в четверг Чучо поняла одну важную деталь: он никогда не увидит «Пончиту», потому что так вредить Человеку может только троллиха!

Руки стали ощутимо трястись по утрам от спиртного. Но именно сейчас Человека это не очень беспокоило. Неожиданно он вспомнил об одной вещи: когда-то он собирал курительные трубки. «Теперь самое время их достать и покурить», – пришла ему в голову веселая мысль. Человек запомнил, где они лежат, но почему-то решил, что в письменном столе, и начал выбрасывать бумаги прямо на пол. Когда один из тяжелых дубовых ящичков неожиданно с глухим стуком выскочил из своего гнезда, весь стол содрогнулся. Недопитый стакан виски опрокинулся и, разлив свое содержимое, покатился к самому краю. Человек посмотрел на стакан, схватил его и бросил о пол.

Наконец, забытая коллекция трубок нашлась в самом нижнем ящичке стола. Один из самых скромных экземпляров, из простого полированного дерева, был подарен Человеку женой на двадцатую годовщину свадьбы. Он бережно вытащил эту трубку из стеклянной коробочки, погладил по солнечному деревянному боку и засунул в рот, озорно усмехаясь.

– Теперь я Шерлок Холмс! – сообщил Человек портрету жены, стоящему на столе.

– Ну, и зачем ты это делаешь, Шерлок? – глаза на портрете смеялись.

– Ты не понимаешь. В ней есть игра, – Человек посерьезнел, но только на секунду, а затем подмигнул портрету. – Я увижу ее, во что бы то ни стало, даже если там окажется «серая мышка».

– Это ты не понимаешь, – портрет тоже посерьезнел, а потом рассмеялся: – Это вообще не человек.

– Да кто бы там не оказался – это же приключение! Ты даже не представляешь, как мне скучно без тебя жить...

Портрет снова рассмеялся, а потом махнул рукой, словно благословляя его на все несуразные действия.

Чучо внимательно слушала, как Человек разговаривает сам с собой, и вдруг с удивлением поняла, что ей тоже скучно жить. Эта мысль впервые пришла ей в голову в такой точной формулировке. «Скучно жить!» – Чучо подошла к экрану компьютера, посмотрела на фото Пончиты Эссуарес и неожиданно набрала на клавиатуре:

– А тебе не скучно жить?

– С чего бы? – высветился ответ.

Троллиха быстро пригладила шерстку, закинула фамильные уши за спину, сфотографировалась на веб-камеру и отослала «Пончите» фото с подписью: «Это я, Чучо, сижу за компьютером, пока Человек курит трубку и разговаривает сам с собой. Я такая же троллиха, как и ты». Конечно, это было нарушением всех правил этики и конспирации. Троллям категорически запрещено оставлять свои фотографии в интернете. Экран компьютера замер, бесшумно мигал курсор, и было слышно только, как Человек все еще что-то бормочет.

Через несколько минут экран ожил. Появилось сообщение: «Я не троллиха, я тролль!», и высветился рисованный портрет... того самого знаменитого Илиаса Гвадалахарского, предка Чучо.

– Ой, а кто это на портрете? – решила пошутить троллиха, рассматривая точную копию себя, только мужского пола и в средневековых латах.

– Это я, – гордо ответил «Пончита».

Чучо рассмеялась.

«Как? Не идем в аквапарк?», – прочитала Чучо, пристроившись за спиной Человека. «Лови момент, мачо!», – смеющийся смайлик. «Зеленецк – отличный город для первой встречи!»

Чучо отошла от компьютера и задумалась. Насколько она помнила из истории или из географии, Зеленецк – это город, стоящий на древней земле кривичей, и находится он довольно далеко, поэтому Человек вряд ли согласится туда ехать. Перебор, дорогая «Пончита»... У троллихи даже от сердца немного отлегло, потому что она испытывала тайную зависть от того, что кто-то вредит гораздо удачнее. Но вечером Человек начал собирать чемодан, интенсивно опустошая свои запасы шотландского виски.

Тут в маленькой душе Чучо приключилось полное смятение. Неожиданно для самой себя, она начала перебирать и аккуратно складывать украденные наволочки, которых за несколько лет набралось более пятидесяти штук, и подумала, что утащить все нажитое добро в Зеленецк не удастся. «А зачем мне в Зеленецк?» – задалась вопросом Чучо, но внятного ответа не получила. Лапки и копытца действовали как будто сами по себе, вне ее сознания. Троллиха машинально собрала ворованное постельное белье и в три приема перетащила его к Перес, заодно выменяв на него у младшей сестры шубу непонятного покроя из неизвестного животного и огромный сундук, закрывающийся на ключ. Потом собрала в сундук все, что попало под руку – вещи, в основном, странные и ненужные, сверху положила шубу, потоптала копытцами и вместе с сундуком залезла в чемодан Человека, предварительно вытащив и спрятав подальше все его содержимое.

Наутро Чучо было очень страшно. Носильщики на вокзале переворачивали чемодан с троллихой то низом вверх, то верхом вниз, пока ей не зажало хвост. Запахи были непонятные и тревожные, Чучо морщила пяточок и изо всех сил старалась не расчихаться. Слышались грубые голоса Человеков, гудки локомотивов, где-то поблизости плакал маленький ребенок. Наконец, чемодан закинули на багажную полку. Застучали колеса, заревел тепловоз, и вагоны покатались с севера на юг, на границу с Бело-Рослией.

Глубокой ночью Чучо с сундуком вывалилась из чемодана, присела на край нижней полки и опять спросила себя: «Зачем я еду в Зеленецк?». «Зеленецк» – само название вызывало у Чучо положительные эмоции. Ей представлялась нежно-зеленая молодая веточка дерева, символ весны и новой жизни. Троллиха глубоко задумалась. Скорее всего, «Пончита» заявится на вокзал, чтобы насладиться триумфом Homo trollus над Homo sapiens. Троль будет стоять где-нибудь в тихом местечке, откуда все просматривается, и тихо смеяться, прикрывая рот мохнатой ладошкой. Вероятно, придется обратиться к нему за помощью, чтобы найти нового Человека. Чучо увидела на купейном столике распечатанную бутылку шотландского виски и храбро отпила большущий глоток, отчего в ее голове произошел взрыв ядерной бомбы. Чучо осмотрелась так, как будто видела это купе впервые в жизни, а не ехала в нем уже около десяти часов. Она увидела ботинки спящего человека, вспомнила о долге и подумала: «Жаль, что я не кот». Потом закусила объедками бутерброда с сыром и начала решительно продвигать свой сундук к рабочему тамбуру вагона.

Поезд прибывал в Зеленецк. В узком коридоре вагона спрятаться было некуда, поэтому люди, выходя из своих купе, сразу обнаруживали Чучо и останавливались в изумлении. Молодая проводница схватилась за голову и воскликнула: «Кто провез ушастую обезьяну без ветеринарной справки?!». А Человек, выйдя из купе с бутылкой шотландского виски в руке, тут же выкинул ее в окно и сказал тихо: «Чур меня, чур!». Троллиха стояла совершенно невозмутимо и чесала за правым ухом. Перес отреклась бы от дочери, если бы узнала о таком катастрофическом нарушении конспирации. Бедный Чучин хвост отдавили раз десять, не меньше,

но, несмотря на это, ровно в пять часов утра троллиха вытащила свой сундук на перрон Зеленецкого железнодорожного вокзала. «Пончиту» она увидела сразу. Он стоял за урной у выбеленной колонны и, как и предполагалось, смеялся, прикрывая рот мохнатой ладошкой.

Человек внимательно наблюдал, как Чучо, волоча сундук, пересекала платформу, затем сказал, обращаясь куда-то к небу: «И ведь правда не человек, но я все-таки увидел!»

Здравствуйте, я ваша Чучо!

Качающейся походкой моряка Чучо подплыла к троллю и развязно произнесла: «Привет! Мы знакомы. Я – Чучо!». «Пончита» скользнул по ней взглядом, на минуту прервал свой смех, потом опять поднес мохнатую ладошку ко рту, но смеяться ему почему-то внезапно расхотелось. Оба тролля устали друг на друга – одна с непонятным вызовом, другой со смесью изумления, ужаса и недоверия. «Ладно!», – произнес Худоша (а этого тролля звали на самом деле именно так), и еще раз: «Ладно!». Через некоторое время Чучо разобралась, что слово «ладно», да еще и в разных вариациях – «да ладно», «ну ладно», «и ладно» – Худоша имеет привычку произносить всегда, когда понятия не имеет, что ему делать.

Если внешность Чучо в славянских землях была весьма примечательна черной шелковистой шерстью, заостренным, довольно длинным пяточком, черными спокойными глазками и выдающейся величины фамильными ушами, то Худоша выглядел как типичный кривич, то есть мог удивить своей внешностью только кого-нибудь в Гвадалахаре. Присмотревшись, Чучо обнаружила густо пробивающуюся седину в светло-русой шерсти вокруг задранного пяточка и серых умных глазок, которые в настоящий момент смотрели на троллиху с тоской и испугом. Худоша был уже в приличном для тролля возрасте: с лишком (с приличным лишком) за сорок лет.

Наконец, тролль подал признаки жизни. Он поднял лапу, в которой оказались небольшие очки, надел их на пяточок и бочком-бочком стал пробираться к выходу, удивляясь тому, как неудачно обернулась одна из его лучших шуток. Чучо сначала растерялась, потом припустила, волоча свой сундук, прямо за ним. Так, друг за другом, на расстоянии пяти метров, тролли довольно продолжительное время шли по пустынным улицам Зеленецка. Троллиха расстраивалась. Во-первых, она, полжизни просидев в городской квартире, не привыкла к таким марафонам (а Зеленецк расположен на холмах, и идти приходилось то вверх, то вниз), но боялась отстать от своего нового незнакомого знакомого. Во-вторых, Чучо была обескуражена создавшейся ситуацией и вообще не знала, что ей теперь делать в чужом городе. Ее даже посетила мысль вернуться назад, на вокзал, и залезть обратно в чемодан Человека. Худошу же мучило желание припустить во весь дух подальше от этой странной троллихи, но он очень боялся, что Чучо побежит за ним со своим огромным сундуком, и знакомые зеленецкие тролли увидят ненароком весь этот конфуз.

Через несколько часов Худоша и Чучо таким странным образом выбрались за пределы города, который троллиха даже не смогла толком рассмотреть, на узкую проселочную дорогу. Тут тролль резко изменил тактику. То ли его пригрело утреннее солнышко, то ли еще что-то с ним приключилось, но Худоша остановился, дождался запыхавшуюся Чучо и, слегка кивнув головой так, что зайчики восходящего солнца прыгнули от его очков во все стороны, представился: «Худоша!». Затем он решил вести себя еще более по-джентльменски: взял огромный сундук и взвалил его на спину. Дальше они пошли вместе.

Вы спросите: «Почему Чучо не боялась бежать за незнакомцем?». Дело в том, что тролли не признают грубой физической силы. Вредить – это всегда пожалуйста, но только по мелочам. Такая философия сложилась у Homo trollos испокон веков. Испортить троллиную философию могут только Человеки, если узнают об их существовании.

Теперь Чучо шла налегке и могла смотреть по сторонам. Сельская дорога, по которой они шли в неизвестном направлении, была построена, безусловно, кривичами. Мало того, что

она безбожно петляла, так еще и имела весьма искривленную поверхность. Чучо чувствовала, что одна нога у нее наступает на дорожное полотно выше другой, и от этого походка троллихи становилась невероятно хромающей.

Худоша, между тем, совершенно преобразился. Как только тролли отошли подальше от Зеленецка, он заметно выпрямился, и мордочка его приняла спокойное, уверенное выражение. Огромный сундук, казалось, его совершенно не тяготил. Изредка Худоша молодецки поглядывал на Чучо сквозь очки, как будто подбадривал: мол, ничего, все будет хорошо. От этого у троллихи тоже потихоньку поднималось настроение. А вскоре Худоша уже и вовсе улыбался. И вот почему.

Дорога вилась среди полей спелой ржи, и, поскольку тролли все-таки ростом не более полуметра, видеть, что находится за очередным поворотом, для Чучо не представлялось возможным. Вскоре они дошли до развилки, точнее, до кривого перекрестка. От основной дороги расходилось три новых ответвления. Коварно улыбаясь, Худоша поставил сундук на землю и развел лапами: «Выбирайте, милая леди, куда пойдём: налево, направо или прямо». Троллиха немного растерялась, но догадалась, что это какая-то шутка. Немного подумав, Чучо выбрала дорогу прямо. Худоша улыбнулся еще коварнее, неизвестно откуда достал маленькую фляжку, отпил из нее, и его задранный пяточок порозовел от удовольствия. Итак, они двинулись прямо. Через некоторое время Чучо с некоторой досадой обнаружила еще одну развилку и вдруг сообразила, что они с Худошей сделали петлю и стоят на том же самом месте. Тролль, отхлебнув еще глоточек из своей неизвестно откуда берущейся фляжки, развел руками рожь и показал ей старый, вросший в землю придорожный камень, который гласил на церковно-славянском языке: «Прямо пойдешь – сюда придешь, направо пойдешь – сюда придешь, налево пойдешь – в Зеленецкий лес попадешь». То ли от содержимого фляжки, то ли от удачной проделки, то ли от вставшего уже высоко за горизонтом солнышка, Худоша опять совершенно изменился и теперь уже шел, слегка пританцовывая и хихикая.

Теперь они отправились по кривичской дороге налево. Видимо, они уже приближались к концу своего путешествия, потому что дорога стала оживленнее.

За очередным поворотом Чучо обнаружила странную процессию, идущую им навстречу. Первое, что попало ей на глаза – это огромная лохматая собака, вся в клочьях нечесаной шерсти и прошлогодних засохших репейниках. К шее собаки была привязана пеньковая веревка, на другом конце которой находился среднего возраста тролль со светлой, пшеничного цвета шерстью, голубыми глазами и широкополой шляпой на голове. Края шляпы были совершенно истертыми и удивили гостью торчащими во все стороны пучками соломы. При этом Чучо было не очень понятно: собака ведет тролля или, наоборот, тролль, достававший собаке всего лишь до холки, ведет собаку. Собственно, на этой самой холке восседало и понукало собаку копытцами еще одно создание, а конкретно такая же голубоглазая троллиха. Когда вся эта странная процессия приблизилась, Чучо обнаружила, что за хвост животного держались два мал-маленьше тролленка, а третий, настолько маленький, что еще не покрылся шерстью, сидел прямо на колечке хвоста и держался для надежности обеими розовыми лапами и беззубым ртом.

– Хорошее солнечное утро, Худоша! – с очевидным белорослийским выговором сказал незнакомый тролль, вежливо сняв шляпу и слегка ею обмахиваясь.

– Доброе утро, Андрей! – так же вежливо, но немного напряженно косясь на троллиху, сказал Худоша. – Доброе утро, Анна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.